

Спустя семь дней в загородном поместье скромно прошёл траурный обряд.

Согласно последней воле Ло Юаньцзе, его прах предали земле в саду за виллой, подле поросшего сухой травой холмика — могилы Хэ Яньцина.

Рядом возвышалась одинокая груша, обнажившая к зиме свой тёмный, почти чёрный ствол. Почки уже набухли белым цветом — весна обещала быть ранней, намекая на скорое буйное цветение. Чуть отдаль из-за дома простирала ветви акация.

И вскоре над садом поплыли тихие, чистые звуки.

В тусклом зимнем саду Гу Синъе, строгий в своём чёрном костюме с белым цветком на лацкане, беззвучно перебирал струны арфы.

Мелодия лилась — тоскливая, светлая, полная тихой покорности судьбе. Она обволакивала, заставляя забыть обо всём и замереть.

Се Синьцянъ просто наслаждался музыкой, прочие же чувствовали, как очищается душа. Боль никуда не ушла, но лишилась прежнего отчаянного жала.

Чэн Лисюэ, рыдавшая навзрыд, под эти звуки постепенно утихомирилась.

— «Реквием», — тихо проговорил стоявший рядом Ли Вэньсю. — Это его сверхспособность.

Се Синьцянъ слегка удивился:

— Он эспер ментального типа?

— Да, — подтвердил Ли Вэньсю. — Эта мелодия упокаивает усопших и дарует утешение живым.

Прежде Се Синьцянъ видел у Гу Синъе только мрачную косу смерти и считал его чистым боевиком-разрушителем. Кто бы мог подумать, что он исцелитель?

Синьцянъ посмотрел на него по-новому. Закрыв глаза, он вместе со всеми дослушал мелодию до последнего аккорда.

В этом плавном перезвоне ему чудилось приближение весны: белоснежные лепестки, кружащиеся на весеннем ветру, укрывают могилы Ло Юаньцзе и Хэ Яньцина.

Спустя столько лет они наконец-то вместе смотрят на цветы.

Прощание завершилось, и гости стали рассаживаться по машинам.

Перед тем как сесть в салон, Се Синьцзянь не удержался и оглянулся. В оцепенелом зимнем саду стояли вплотную два земляных холмика.

Он прикрыл сухие глаза, думая, что для них двоих это, пожалуй, лучший исход.

Гу Синье, заметив его взгляд, ошибочно принял его на свой счёт и буркнул:

— Чего смотришь?

—...

Ругаться не хотелось, поэтому Се Синьцзянь просто спросил:

— Так ты правда эспер ментального типа?

Гу Синье возмутился:

— Ты только сейчас узнал?!

— Ты же раньше ничего такого не показывал.

— Ну а... — Гу Синье запнулся и с некой неловкостью пробормотал: — А сейчас, как тебе?

На Се Синьцзяня чужие способности почти не действовали, так что для него это была просто красивая музыка. Но обижать парня не хотелось, и он ответил уклончиво:

— Сойдёт.

Гу Синье заметно расслабился и тут же добавил:

— Если понадобится, обращайся.

Се Синьцзянь не сразу понял:

— В смысле?

— Я знаю, что для тебя всё это — тяжёлый удар, — продолжил Гу Синье. — На брата Ли мои чары не действуют, но тебе-то помочь я вполне могу.

Он знал, что Се Синьцян — эспер, но и в мысли не допускал, что тот рангом намного выше его самого.

Синьцяню хотелось усмехнуться, но Гу Синье редко проявлял такую заботу, так что пришлось принять предложение с благодарным кивком.

— А почему тогда боевая коса?

Гу Синье замаялся, помолчал пару секунд и выдавил:

—... Потому что это круто.

Се Синьцян лишился слов. Кому в здравом уме коса смерти кажется «крутой»?

Гу Синье, привыкший к подобным взглядам, тут же вспыхнул:

— И вообще, это не коса смерти! Это боевая коса!

— И зачем эсперу ментального типа воплощать свою силу в форме боевой косы?

Этого Гу Синье и сам толком не знал. Подростковые фантазии теперь вызывали лишь стыдливое желание провалиться сквозь землю. Сменив тему, он торопливо принялся расписывать универсальность своей способности.

Коса, мол, лишь внешняя оболочка. На самом деле она может принимать форму любого инструмента: фортепиано, гитары, суона, флейты, арфы... И у каждого — свои эффекты.

Звучало впечатляюще, если бы не одно «но»: инструмент призывался совершенно случайно.

— Ты чего так смотришь? У меня отличная способность! — заметив скепсис на лице Синьцяня, вспыхнул Гу Синье. — Пусть иногда и выходит накладке, в целом ситуация под контролем!

Се Синьцян промолчал. Достань Гу Синье только что суона — и атмосфера на похоронах была бы совсем иной.

Впрочем, перепалка немного разрядила тоску, и на душе стало легче.

За окном тянулось знакомое шоссе. Летом, когда они впервые ехали с Ли Вэньсю этой дорогой, Се Синьцзянь дочитывал дневник Ло Юаньцзе и ревел как дурак. Теперь же, после похорон, в нём поселился покой.

Проезжая мимо парка развлечений, он всё же поднял голову и посмотрел на высившееся вдали колесо обозрения.

— Хочешь съездить? — вдруг спросил сидевший за рулём Ли Вэньсю.

— Куда?

— В парк.

Се Синьцзянь посмотрел на него взглядом «ты с ума сошёл?»:

— С чего бы это?

— Ты в прошлый раз тоже на него смотрел, — пояснил Ли Вэньсю. — Хочешь покататься на колесе обозрения?

— Вовсе нет, — удивился Синьцзянь. — Такая бандура стоит, вот я и глянул мельком.

Ли Вэньсю взглянул на гигантскую конструкцию, затем вернул взор на дорогу и развивать тему не стал.

Дорога занимала почти два часа. Опасаясь, что Ли Вэньсю за рулём склонит в сон, Синьцзянь старался поддерживать неспешный разговор.

— Не насилуй себя, — заметил Ли Вэньсю, видя, как тот сладко зевает. — Хочешь спать — поспи. Подъедем к дому — разбужу.

Синьцзянь немного посмущался, но дневная дрема была для него привычкой, а после такого дня силы совсем иссякли. Откинувшись на сиденье, он быстро погрузился в сон.

Когда он очнулся, поток машин ощутимо плотнел — они съехали с просёлочной дороги на магистраль и стояли в очереди на въезде в город.

— Разбудил? — Ли Вэньсю плавно сбавил скорость, сведя ходовую тряску к минимуму.

— Нет, — качнул головой Синьцзянь. — Я всё равно долго не сплю.

Ли Вэньсю ничего не ответил. Пока машина медленно подползала к пункту оплаты, он молча разглядывал юношу. Синьцзянь был в строгом чёрном костюме, свежестриженный, с чистой открытой шеей и аккуратными ушами — из-за этого он казался совсем мальчишкой.

Смутившись под этим пристальным взглядом, Синьцзянь обернулся:

— Что такое?

Вновь возникло то самое неуловимое чувство.

В памяти Ли Вэньсю всплыл образ маленького мальчика — послушного, одинокого, стоящего под огромным колесом обозрения.

— Мы ведь с тобой уже виделись раньше? — неожиданно произнёс Ли Вэньсю.

— Ну да, — кивнул Синьцзянь, не понимая, к чему тот клонит.

— Я имею в виду... намного раньше. Лет девять назад? — Ли Вэньсю сделал паузу, чувствуя, как смутный силуэт приобретает чёткие черты. — В том самом парке развлечений. Ты ведь был тем потерявшимся ребёнком?

Синьцзянь удивлённо моргнул:

— Ты вспомнил?

Увидев его реакцию, Ли Вэньсю окончательно убедился в своей догадке:

— Показалось похожим, но не думал, что совпадение окажется настолько точным.

— Меня тогда брат повёз в парк, и мы разминулись, — тихо проговорил Синьцзянь.

— У тебя есть брат? — удивился Ли Вэньсю. Прежде Синьцзянь никогда не рассказывал о семье. Вэньсю лишь смутно догадывался, что детство у его парня было не из лёгких, и старался лишний раз не спрашивать.

— Двоюродный. Я тогда жил у них.

— А родители?..

— Они умерли, когда я был совсем маленьким, — спокойным, ровным тоном ответил Синьцзянь,

без прежней обиды. — У бабушки по материнской линии мне оставаться было неудобно, поэтому меня отправили в Цзинши к дедушке с бабушкой по отцу. Так и скитался по родственникам.

Смерть родителей, нелюбовь бабушки, скитания по чужим домам с малых лет...

Все эти детские травмы, способные искалечить человеку жизнь, он уместил в пару будничных фраз.

— Прости, — тихо сказал Ли Вэньсю, сжимаясь от щемящей нежности и боли. — Я не знал...

— Пустяки, — пожал плечами Синьцян. — Я давно про это забыл.

Синьцян давным-давно научился справляться сам, но сердце Ли Вэньсю всё равно сжималось от сочувствия.

Пальцы на руле сжались сильнее, в глазах плеснула тёмная волна эмоций.

Спустя полчаса чёрный седан остановился у дома Синьцяня.

— Спасибо, что подвёз, — Синьцян отстегнул ремень безопасности и повернулся, чтобы попрощаться. — Я пойду. Едь аккуратно, на дороге...

Закончить он не успел — Ли Вэньсю переклонился через консоль и крепко прижал его к себе.

Синьцян первым делом обеспокоенно бросил взгляд в окно — никого ли нет на улице? Убедившись, что во дворе пусто, он слегка расслабился.

Погладив Вэньсю по спине, он мягко спросил:

— Ты чего? Всё ещё тяжело после похорон?

— Нет, — глухо отозвался Ли Вэньсю, уткнувшись ему в плечо. — Просто мне за тебя больно.

Синьцян на миг опешил, потом качнул головой:

— Да правда же, всё в порядке. Когда надо мной никто не стоял, мне даже дышалось свободнее.

Ли Вэньсю не шелохнулся, лишь крепче сжал объятия.

Синьцянь говорил так легко, но разве могло быть легко ребёнку?

В столь юном возрасте кочевать из семьи в семью, рано бросить учёбу, попасть в руки к скользким дельцам из шоу-бизнеса...

Вэньсю вспомнил их первую встречу — того бессовестного менеджера, сводничавшего с инвесторами... Синьцянь вырос в этой грязи. Если бы у него не было стального стержня, во что бы он превратился?

Большинство эсперов обделены семейным теплом. Ли Вэньсю знал, что прошлое Синьцяня не было гладким, но не думал, что всё было настолько бесприютно.

Знать бы тогда... Лучше бы он ещё девять лет назад забрал мальчишку из парка и вырастил сам, чем позволил обижать его столько лет.

— Ну всё, хватит обниматься, — Синьцянь похлопал его по руке. — Сейчас кто-нибудь увидит.

Ли Вэньсю нехотя разомкнул руки, но взгляд его оставался жгучим.

«Переезжай ко мне».

Слова уже готовы были сорваться с языка, но, глядя на напряжённого юношу, Вэньсю сдержался.

Они только-только сошлись — он просто испугает его такой спешкой.

Переведя дыхание, Ли Вэньсю погладил Синьцяня по затылку:

— Ладно, иди.

Синьцянь кивнул и вышел из машины.

Голова гудела, тело налилось тяжестью — короткий сон в машине совершенно не помог. Единственным желанием было дойти до кровати и провалиться в небытие.

Очнулся он лишь в девять вечера. Голова раскалывалась, в горле сушило, а каждый глоток отзывался режущей болью.

Се Синьцянь сел на край кровати и долго сидел в оцепенении, прежде чем до него дошло: похоже, он заболел.

Лекарств дома не водилось. Он только собрался набрать ассистенту, как на экране телефона вспыхнул видеовызов от Ли Вэньсю. Помедлив, Синьцянь нажал «принять».

— Смотри, кто тут, — раздался из динамика голос Вэньсю.

На экране показался Сяо Хэй: чёрный кот раскинулся на ковре, подставив мягкое брюшко. Его золотистые глаза удивлённо хлопали.

Вид кота подействовал как бальзам, и тупая боль в голове немного отступила.

— Ты что, в темноте сидишь? — только сейчас Ли Вэньсю заметил обстановку на том конце провода.

— Угу, только проснулся, — прохрипел Синьцянь. Голос звучал ужасно.

— Почему голоса нет? — Ли Вэньсю мгновенно нахмурился, в тоне прорезалось беспокойство.
— Заболел? Включи свет, дай взглянуть.

Сил спорить не было. Синьцянь послушно потянулся к выключателю.

Щёлкнула клавиша, и спальню залил яркий свет, обнажив пылающие щёки Синьцяня.

Лицо горячее, глаза блестят от жара, губы иссушены и побелели. Чистая лихорадка.

Синьцянь глянул на своё отражение в углу экрана и пробормотал:

— Да так, слегка продуло...

— Ничего не говори, — отрезал Ли Вэньсю, уже поднимаясь с места. — Я сейчас буду.

Синьцяню было неловко заставлять его ехать ночью:

— Не надо, правда. Я уже попросил ассистента привезти лекарства.

— Не спорь, — твёрдо произнёс Вэньсю.

Потом, сообразив, что прозвучало слишком резко, он смягчил тон:

— Будь умницей. Я хочу позаботиться о своём парне.

Синьцянь хотел было возразить снова, но слово «парень» заставило его замереть. Опомнившись, он уже забыл, как отказываться.

На том конце Ли Вэньсю наговорил ещё кучу нежностей, и разнеженный, сбитый с толку Синьцянь сам не заметил, как дал согласие.

Повесив трубку, Синьцянь вновь откинулся на подушки. Телу было плохо, но прежнего чувства одиночества и брошенности, сопровождавшего каждую болезнь в прошлом, больше не возникло.

Он был искренне рад, что Ли Вэньсю едет к нему.

Через полчаса в дверь постучали. Ли Вэньсю приехал не один, а с личным врачом.

Жар, головокружение, боль в горле... Врач осмотрел Синьцяня и пришёл к выводу: организм дал сбой из-за накопившейся усталости на съёмках, стресса и переживаний после смерти Ло Юаньцзе. Иммуитет просто рухнул.

— Попьёт лекарства, отдохнёт пару дней — и всё пройдёт, — резюмировал доктор, быстро выписывая рецепт.

Ли Вэньсю внимательно записал дозировки, вывел врача за дверь и вежливо поблагодарил:

— Спасибо, доктор, простите за ночной вызов.

— Пустяки. Следите, чтобы он не простывал и ел что-нибудь лёгкое, — напутствовал врач и ушёл.

Вэньсю запер дверь и принёс из кухни пакет с доставкой.

— Поешь немного.

Синьцянь нехотя поплёлся на кухню. На столе его уже ждала пиала с горячей рисовой кашей-чжоу и небольшие лёгкие закуски.

Аппетита не было, но, чтобы не расстраивать Вэньсю, он пересилил себя и съел пиалу.

— Ещё дать?

Синьцянь мотнул головой — сыт.

Вэньсю не стал настаивать и подал стакан тёплой воды:

— Теперь лекарства.

Здесь Синьцянь упрямитесь не стал. Таблеток он не боялся: хочешь выздороветь — пей лекарство, эту истину он усвоил ещё с детского сада.

Он сгрёб отсчитанные таблетки, отправил в рот и запил парой глотков воды, даже не поморщившись.

— Не горько? — удивился Ли Вэньсю.

— Да нормально, — привычным тоном отозвался Синьцянь.

Вэньсю, забирая стакан, на мгновение замер — в глазах мелькнула тень.

Но Синьцянь этого не заметил. Его донимала куда более насущная проблема: ему ужасно захотелось в туалет.

Синьцянь поплёлся в ванную, но из-за жара ноги подкашивались. Он качнулся и лишь чудом зацепился за дверной косяк.

Он уже собирался опереться о стену, когда сзади его мягко подхватил Ли Вэньсю.

— Я помогу.

— Угу, — Синьцянь позволил довести себя до унитаза.

Вэньсю хотел было отпустить его, но стоило ему ослабить хватку, как Синьцянь тут же начал оседать на пол. Опасаясь, что тот упадёт, Вэньсю приобнял его за талию и с некоторой неловкостью спросил:

— Так нормально?

Нормально ли?

Синьцянь не видел причин отказываться. По крайней мере, с такой поддержкой он точно не грохнется.

Он как раз недавно читал в новостях про одинокого парня, который поскользнулся в душе и умер, не дождавшись помощи, и про другого, который застрял в туалете без телефона и чуть не умер с голоду.

Синьцянь любил жизнь. Он только-только начал встречаться! Умирать глупой смертью категорически не входило в его планы.

Поэтому он кивнул: «Пойдёт».

Ли Вэньсю остался стоять сзади, поддерживая его.

Синьцянь спустил домашние штаны.

Старые трикотажные штаны на резинке легко соскользнули вниз, обнажив белую, нежную кожу.

Ли Вэньсю, будто обжёгшись, торопливо отвернулся, кончики его ушей вспыхнули розоватым.

Синьцянь, не замечая его смущения, взял инструмент и попытался сделать дело.

Даже губами стал по привычке помогать: «Псс-псс...»

Но из-за простуды ничего не получалось. Он старался, но организм бастовал — пузырь распирало, а толку никакого.

И тут над самым его ухом раздался свист.

Чистый, звонкий, выводимый с филигранной точностью.

Синьцянь смутился и дёрнулся, желая отстраниться, как вдруг процесс пошёл сам собой.

В унитаз весело зажурчала струйка.

Стыд накрыл Синьцяня с головой. Полыхая ушами, он торопливо пролепетал:

— Ты... отпусти меня сначала!

Ли Вэньсю мгновенно убрал руку, но его ладонь случайно скользнула по гладкому, напряжённому животу юноши.

Атмосфера в ванной окончательно сделалась неловкой.

Одурманенные жаром мозги Синьцяня прояснились в одну секунду.

Господи, за каким чертом он вообще разрешил Вэньсю зайти с ним в туалет?!

Он что, с ума сошёл?

Или температурой выжгло остатки разума?!

Ни одно из объяснений не выглядело достойным.

Молча подтянув штаны, Синьцянь нажал на спуск. Он долго и тщательно мыл руки перед зеркалом, даже почистил зубы, а потом мелкими шажками поплёлся обратно в спальню. Красный как рак, он так и не осмелился взглянуть на Ли Вэньсю.

Забравшись под одеяло, как черепашка в панцирь, он принялся судорожно считать овец, мечтая лишь о том, чтобы утреннее пробуждение стёрло этот позор из памяти.

Увы, судьба была немилосердна. Едва он улёгся, как Ли Вэньсю окликнул его:

— Ты весь промок. Надо вытереться, потом уснёшь.

Синьцянь пару секунд соображал, после чего понял, что к телу и правда липнет пот.

— Тогда я в душ, — пробормотал он, сползая с кровати.

— Никакого душа, снова простынешь, — Вэньсю внёс в комнату тазик с водой. — Я оботру тебя.

Он отжал полотенце и протянул юноше. Длинные, сильные пальцы мужчины удерживали ткань, от которой шёл лёгкий пар.

Синьцянь взял полотенце, расправил и накрыл им лицо, глубоко вдохнув.

Ему нравилось ощущение тёплого пара — оно дарило покой и умиротворение.

Спустя минуту полотенце остыло. Синьцянь хотел его снять, но сверху опустилась большая ладонь.

— Давай я помогу, — заметив, что юноша замер, Вэньсю решил, что тот просто капризничает.

Он аккуратно, движением за движением, стал вытирать лицо Синьцяня.

Синьцянь хотел сказать, что вовсе не это имел в виду, но когда тёплые пальцы Вэньсю касались его кожи, слова застряли в горле. Он поддался собственному порыву и позволил этой маленькой ошибке случиться.

Ли Вэньсю отродясь ни за кем так не ухаживал, его движения отдавали некоторой неловкостью. Боясь причинить боль, он постоянно уточнял:

— Не сильно давлёу?

— Нормально, — смущённо шептал Синьцянь.

После лица пришла очередь тела.

Ополоснув полотенце в тазике, Вэньсю вернулся к кровати:

— Снимай футболку.

Синьцянь не двигался. Вэньсю хотел было вытереть его прямо через ткань, но юноша, будто очнувшись от транса, быстро сдёрнул футболку через голову.

Хрупкий, изящный силуэт вспыхнул под светом лампы белизной.

Тёплое полотенце скользнуло по влажной коже, заставив Синьцяня вздрогнуть.

— Похудел, — проводил пальцами по выступающим рёбрам Ли Вэньсю, и в его голосе прозвучало сочувствие. — Опять плохо ел?

Романтический флёр улетучился в то же мгновение. Забыв про болезнь, Синьцянь испуганно вытаращился на него:

— Что, кубики пропали?!

— Есть, — Ли Вэньсю бегло окинул взглядом его живот. — Четыре штуки вижу.

— Всего четыре?! — Синьцянь выглядел так, будто в него ударила молния.

На съёмках «Лицемерного вида» у него было шесть кубиков!

А когда они целовались на острове Вэйхай, он своими глазами видел у Ли Вэньсю все восемь!

И теперь у него ровно вдвое меньше, чем у Вэньсю?!

Мальчишеская гордость была жестоко задета. Синьцянь сжал кулаки и с трагической решимостью заявил:

— Вот выздоровею — сразу вернусь к тренировкам!

Ли Вэньсю лишь улыбнулся:

— Не важно, худой или плотный. Главное — здоровый.

Синьцяню ещё не исполнилось девятнадцати, его тело легко менялось. Наберёт мышечную массу — станет мужественным и статным. Останется стройным — сохранит юношескую хрупкость.

Ли Вэньсю нравился любой вариант.

Взор Вэньсю задержался на тонкой талии и бледной груди Синьцяня, порозовевшей от температуры...

Заставив себя отвести взгляд, Вэньсю подошёл к шкафу и достал чистую пижаму.

Переодевшись, Синьцянь вновь нырнул под одеяло, натянув его до самого носа. Наружу торчали только блестящие, влажные от жара глаза.

Ли Вэньсю присел на край кровати. В своей чёрной толстовке и тёмно-серых спортивных штанах он выглядел домашним, мягким и неимоверно уютным.

Синьцянь заколебался:

— Ты уходишь?

— Нет, — Ли Вэньсю бережно поправил чёлку, прилипшую к его лбу. — Я останусь с тобой на ночь.

Ли Вэньсю останется ухаживать за ним на всю ночь?

— Я точно не сплю? — пробормотал Синьцянь. — А то проснусь, а тебя нет...

Пальцы Вэньсю на мгновение замерли. В груди сладко и больно защемило. Чем больше он узнавал Синьцяня, тем сильнее полюбить его рвалось сердце.

— Не исчезну, — тихим, глубоким голосом ответил он. — Завтра откроешь глаза — я буду рядом.

Синьцянь успокоился и смежил веки.

Но тут до его заболевшей головы дошла одна бытовая деталь. В квартире лишь одна кровать! Вторая комната переоборудована под домашний кинотеатр, а диванчик в гостиной совсем крошечный — Ли Вэньсю там просто не поместится.

Синьцянь распахнул глаза. Вэньсю всё ещё смотрел на него.

— Ты... ляжешь со мной? — смущённо спросил юноша.

И, не дождавшись ответа, тут же засомневался:

— Может, тебе всё-таки лучше поехать домой?.. Спать негде, да и заразить тебя боюсь...

— Не бойся, у меня крепкий иммунитет, — успокоил его Вэньсю. — Заразить меня не так-то просто. А если переживаешь, я сейчас выпью порошок от простуды для профилактики.

Сомнения Синьцяня пошатнулись, хотя лёгкая тревога осталась.

— Не бери в голову, — Вэньсю слегка сжал его щёку. — Мы даже в губы ещё не целовались, с чего бы тебе меня заразить?

Синьцянь подумал: «И то правда».

— Всё, засыпай. — Вэньсю подоткнул одеяло и пошёл в ванную.

Своей пижамы у него не было, пришлось надеть футболку Синьцяня, которая слегка жала в

плечах.

В спальне горел лишь сумеречный ночник. Вэньсю ступал бесшумно, чтобы не потревожить больного, но стоило ему войти, как с кровати донеслось шуршание.

Ещё не спит?

— Ты выпил порошок? — подал голос Синьцянь из-под одеяла.

— Выпил.

— Точно не заразишься?

— Точно.

— Тогда... — Синьцянь выпростал голову из-под одеяла, посмотрел на него с минуту и, густо покраснев, прошептал: — Тогда можно мне тебя поцеловать?

<http://bllate.org/book/19727/1985874>